Я.Н. Любарский

МАНУИЛ I ГЛАЗАМИ КИННАМА И ХОНИАТА

П. Магдалино в своей монографии подробно пишет о том, как Мануил I (1143—1180) изображался многочисленными придворными¹. Материалом же для настоящей статьи послужил образ Мануила у историков XII в. Иоанна Киннама и Никиты Хониата.

Хониат был младше Киннама лет на двадцать и обнародовал свою историю значительно позже Киннама. Вопрос о том, знал ли он труд старшего своего современника, довольно долго дебатировался исследователями, и, согласно мнению А.П. Каждана, занимавшегося этой проблемой с наибольшим тщанием, в главах, посвященных Мануилу, Хониат абсолютно самостоятелен и никак от Киннама не зависит². С этим выводом, несмотря на некоторые оговорки³, можно согласиться, и, таким образом, проблема, подлежащая обсуждению, сводится к тому, как два разных историка независимо один от другого оценивали и изображали едва ли не главного из своих героев – императора Мануила Комнина.

Мануил в "Истории" Киннама – прежде всего воин.

Уже немало писалось о "милитаризации" образа императора у писателей XII в. Дело, конечно, не только в трансформации императорского идеала в XII в., Мануил и в действительности, подобно всем Комниным, воевал больше и чаще, чем их слабые предшественники после Василия II. Тем не менее характер изображения воинских доблестей Мануила I заслуживает особого внимания. Воинами раг exellence изображались и дед Мануила Алексей I (у Никифора Вриенния и Анны Комниной), и его отец Иоанн II (у того же Киннама). Однако Мануил у Киннама мало похож на своих предшественников на троне. Чтобы это стало ясным, коротко сопоставим Мануила в "Истории" Киннама с Алексеем в "Алексиаде"5. Сразу оговоримся. Все, о чем пойдет речь ниже, относится главным образом к первым четырем книгам сочинения Киннама: в последних частях его истории стиль изображения главного героя несколько меняется, однако об этом сказано будет позднее.

Алексей у Анны — прежде всего предусмотрительный и мудрый правитель, готовый на все ради блага государства. Всевозможные беды и напасти непрерывно обрушиваются на Византию, и роль Алексея всякий раз сводится к тому, чтобы отвести своими мудрыми и осторожными действиями очередную опасность. Эта "установка" Анны проявляется не только в прямых

¹ Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos (1143-1180). Cambridge, 1993.

² Каждан А.П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 1963. Vol. 24.

³ См.: Любарский Я.Н. И вновь о Хониате и Киннаме // АДСВ. 2002. Вып. 33.

⁴ Kazhdan A., Epstein A. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Century. Berkley, 1985. P. 110 ff.

⁵ Более подробно эта тема развита в моей статье: *Ljubarskij J.* John Kinnamos as a Writer // ΠΟΛΥΠΛΕΥΡΟΣ NOYΣ. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag. München; Leipzig, 2000. S. 165–173.

декларациях писательницы, но в самой художественной ткани, и прежде всего в композиции "Алексиады". Сочинение это разделено на "макроэпизоды", каждый из которых представляет собой рассказ о той или иной беде, которую сумел предотвратить император Алексей. Каждый новый "макроэпизод" повествования нарушает некое относительное равновесие ситуации, при этом инициатором такого "нарушения" всякий раз оказывается оппонент императора, в то время как сам он "нарушенное равновесие" восстанавливает, правда, уже на новом этапе... В этом смысле роль энергичного и предприимчивого Алексея в "Алексиаде" пассивна, в то время как активное начало обычно олицетворено во врагах императора, внешних или внутренних.

Совершенно иначе у Киннама. Мануил – во всяком случае в первых четырех книгах – беспокойный и импульсивный царь, инициирующий события, и каждый новый эпизод, как и в "Алексиаде", начинается с "нарушения равновесия", но уже в результате действий самого протагониста – императора. Иными словами, зачином эпизода у Киннама оказывается не сила, действующая извне, а некая акция самого императора, влекущая за собой череду последующих событий, чаще всего военных операций. Завершается эпизод очередным триумфом царя, как и положено, "восстанавливающим равновесие" на новом уровне. Внимательный читатель, безусловно, заметит, что терминология, используемая здесь для характеристики литературного эпизода ("нарушение и восстановление равновесия"), заимствована из современной нарратологии⁶, однако основная наша задача – показать, что у Киннама, как и у Анны, художественная ткань произведения, его композиционное построение тесно связано с характером обрисовки главного героя, а в конечном счете с представлением автора об идеальном поведении идеального императора.

Подобно Алексею у Анны Мануил у Киннама упоминается еще до вступления на престол, он так же, как и его дед, мужественен и отважен, но его храбрость совсем другого рода. Алексей предусмотрителен и мудр, его внук - импульсивен и безогляден. Это лучше всего проявляется в часто цитируемом эпизоде, когда Мануил, участвуя в походе Йоанна I против турок, бросается со своими воинами в гущу врагов и поднимает дух приунывших было ромеев (Cinn. 21.14-22.3)7. Отец по видимости недоволен безрассудной удалью сына, но в душе восхищен его геройством. Киннам специально подчеркивает молодость отличившегося Мануила и добавляет, что доблесть не может быть связана с каким-либо возрастом (ούκ οἷς δε παντάπασιν άρετή) περιγράφεσθαι). Впрочем, на самом деле Мануил, во всяком случае по византийским представлениям, не так уж и молод. По словам Киннама, он не достиг к тому моменту восемнадцати лет (ὀκτωκαίδεκα οὔπω γεγονως ἔτη), но на самом деле в конце 1139 г., о котором идет речь, его возраст должен был приближаться к двадцати одному году8. Видимо, Киннаму очень важно было подчеркнуть молодость героя...

На протяжении всей четвертой книги безоглядная храбрость становится абсолютно доминирующей чертой образа Мануила. Только однажды и ми-

 ⁶ Todorov Tz. Poétique. P., 1973. Cp.: Ljubarskij J. Quellenforschung and/or Literary Criticism.
Narrative Structures in Byzantine Historical Writings // Symbolae Osloenses. 1998. Vol. 73. P. 16 ff.
⁷ Цитируем Киннама по изданию: Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ed. A. Meineke. Bonn, 1936.

⁸ Мануил родился в ноябре 1118 г. См.: Barzos К. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Vol. I. Thessaloniki, 1984. Σ. 422.

моходом упоминает Киннам о том, что Мануил, как никто другой, был опытен в стратегическом искусстве (Cinn. 43.3-5), во всех других случаях главными, если не единственными достоинствами Мануила-воина, становятся его сила и доблесть. Ключевыми понятиями при изображении императора οκазываются αὐτουργία и αὐτογειρία, т.е. собственноручные деяния, подвиги императора (Cinn. 47.8; 54.7; 192.3; 198.12). Соратники Мануила нередко пытаются сдержать его дерзкие порывы, но, как правило, оказываются неспособны умерить его боевой пыл (242.1-2). Более того, сам Мануил бывает не в состоянии совладать с собственным воинским духом (116.23) и всегда оказывается первым при необходимости свершить что-либо своими руками и силами: он не дает утонуть судну (221.18 sq), пролагает войску путь во время снежной бури (196.3 sq), переправляется через Дунай в маленькой лодчонке (240.16–20) и так далее. Его вид и само имя наводят страх на врагов и обращают их в бегство. Он кровожаден и убивает одним ударом множество неприятелей (192.3-7). Если враг медлит вступить в сражение, Мануил всячески провоцирует его на битву и сам бросается в гущу недругов (240.17). Его дерзкую храбрость (θράσος) Киннам неоднократно именует "сверхчеловеческой" (99.18; 108.8; 240.4).

В этой связи обращает на себя внимание отступление, которое Анна Комнина делает в последней книге "Алексиады". Писательница противопоставляет два вида храбрости, которые условно можно обозначить как "разумную" (θ άρσος) и "неразумную" (θ рάσος) и при этом замечает, что "первейшим достоинством полководца является способность побеждать, не навлекая на себя опасность" (Аппа. 467.10–18)9. Трудно отделаться от впечатления, что Анна, заканчивавшая исторический труд уже при Мануиле, которого она терпеть не могла, не рассуждает здесь абстрактно, а сознательно противопоставляет безрассудную дерзость (θ рάσος) племянника разумной храбрости (θ άρσος) отца. Характерно, что историк, не колеблясь, применяет в отношении своего героя даже слово тохип (дерзость), имеющее нередко у византийских авторов негативную коннотацию и часто относимое к варварам, еретикам и т.п. (Cinn. 241.17).

Единственным увлечением Мануила по Киннаму, помимо войны, являлась охота, на которую он отправлялся, как только случалось у него свободное от сражений время (Cinn. 93–8–9; 189.2 sq.). Один "охотничий" эпизод особенно примечателен. Охотясь в районе Даматриса, Мануил встречает фантастическое существо, "смесь льва и леопарда", чудовищной силы и храбрости. "Спутники императора бросились в бегство, но сам он, выхватив меч, нанес удар по голове зверя" (266.22–267.12). История эта, видимо, была частью "придворного фольклора" о Мануиле, а возможно, даже и имела какую-то реальную основу, во всяком случае ее пересказывает в похожем виде придворный ритор Михаил Анхиал¹⁰.

Вообще стиль изображения Мануила у Киннама и придворных энкомиастов во многом схож: и тот, и другие подчеркивают прежде всего личную отвагу и необыкновенную воинскую доблесть императора. Голос Киннама в

⁹ "Алексиаду" цитирую по изданию: Annae Comnenae Alexias / Rec. D. Reinsch, A. Kambylis. B., 2001. (CFHB, vol. 40). P. 467.9–16.

¹⁰ Browning S. A New Source in the Byzantine-Hungarian Relations in the Twelfth Century // Balkan Studies. 1968. 2. P. 198.

значительной мере сливается с хором дворцовых льстецов, прославляющих молодого императора, хотя сам историк и спешит от них отмежеваться¹¹. Вместе с тем последние, помимо храбрости, почти никогда не забывают приписать Мануилу все те добродетели, которые уже в Римской империи считались необходимой принадлежностью правителей и входили в обязательный канон, неуклонно соблюдаемый риторами (прежде всего речь идет о необыкновенной мудрости)¹².

Исследователи, занимающиеся византийской литературой, обычно бывают озабочены поисками моделей и клише, которым следуют писатели. Нередко это стремление оказывается вовсе беспредметным, однако в данном случае "модель", как кажется, налицо. Это Дигенис Акрит, герой эпических песен, а возможно, и эпической поэмы, согласно новейшим исследованиям, имевших хождение в Византии уже в начале XII в. 13

Попробую привести дополнительные аргументы в защиту мысли об эпическом характере образа Мануила и его зависимости от Дигениса Акрита. Как и полагается эпическому герою, Мануил – обладатель чудовищной силы, огромного роста и могучего телосложения (Cinn. 205.13 sq). О его сверхчеловеческой храбрости и кровожадности говорилось выше. Свои необыкновенные подвиги – тоже в соответствии с эпическим и даже фольклорным каноном – он начинает совершать еще в детстве: "Уже одиннадцатилетним он нередко собственными руками (χεροῖν οἰκείαις) пленял варваров" (99.20–21).

Весьма знаменательно, что проявления доблести Мануила ставятся Киннамом в определенную связь с его отношениями с его молодой женой Бертой-Ириной Зульцбахской. На самом деле женолюбивый и не отличающийся чрезмерным целомудрием Мануил не любил свою немецкую супругу, откровенно ею пренебрегал и даже отправился отдыхать в загородное имение, в то время как Берта-Ирина находилась при смерти во дворце в столице (Cinn. 152.3 sq). Тем не менее именно Берта-Ирина, по словам Киннама, вдохновляла юного Мануила на подвиги. В 1146 г. император во время экспедиции против Икония желал во что бы то ни стало собственными силами отличиться в бою (αὐτουργῆσαι), причем, как утверждает Киннам, возбуждали в нем это желание его юность и недавняя женитьба (47.6–10). Знаменательно в этой связи, что сама Берта-Ирина, по словам историка, заявила в сенате, что "происходит она из великого и воинственного народа, но никогда не слыхала, чтобы кто-либо, кроме ее мужа, мог похвастаться таким количеством подвигов, совершенных за один год" (99.21–100.3).

¹¹ Этот пассаж "Истории" весьма любопытен. Рассказывая о невероятных подвигах, которые приписывали Мануилу льстивые ораторы, Киннам заключает: "Все эти россказни казались совершенно неправдоподобными... и поэтому, когда я бывал во дворце и слышал восхваления царских деяний, у меня начинала кружиться голова и я покидал собрание" (Cinn. 192.7–15).

^{12 &}quot;Манганский Продром", например, пишет, что юный Мануил был терпелив, мудр и вел себя как новый Соломон в отношениях с крестоносными вождями. Михаил Италик, обращаясь к Мануилу, восклицает: "Ты молод телом, но сед умом" (см.: Magdalino P. The Empire... P. 413 ff.).

¹³ С такой датировкой ныне согласно большинство исследователей. Р. Битон пишет даже о возможном влиянии Дигениса на интеллектуальную ситуацию при византийском дворе в XII в. Beaton R. Epic and Romance in the Twelfth Century // Littlewood A R. Originality in Byzantine Literature, Art and Music. Oxf., 1995. P. 85.

Трудно сказать, что больше повлияло здесь на Киннама (или Мануила?): западные идеалы служения даме или преданность супруге эпического Дигениса Акрита.

Не так просто также решить, должна ли речь идти о прямом и непосредственном влиянии византийского эпоса на историографию или об общей "рыцарской атмосфере", одинаково отразившейся в жизни византийского двора, историческом сочинении Иоанна Киннама и эпической поэме "Дигенис Акрит".

Первый ответ представляется самым вероятным, тем более, что сопоставление Мануила с Дигенисом, видимо, "носилось в воздухе" того времени. Во всяком случае, современник Киннама Птохопродром славит императора Мануила как "нового Акрита" (τὸν νέον τὸν ἀχρίτην)¹⁴.

Вполне вероятно, что речь должна идти о своеобразном "текстуальном единстве" (textual community), которое представляло собой высшее сословие византийского общества, где циркулировали первые акритские песни, из которых могли переходить в другие жанры и определенные "нарративные модели". Наличие такого "текстуального единства" констатируется исследователями-медиевистами, например, для рыцарей-крестоносцев XI–XII вв. Причем, как и в нашем случае, вывод этот делается на основании замеченной общности эпических песен и исторических хроник¹⁵.

Как бы то ни было, Мануил у Киннама – воплощение одной стихии, и в этом смысле он стоит ближе к персонажам ранней византийской историографии, нежели героям Михаила Пселла, непосредственным продолжателем которого был Киннам.

* * *

Совершенно иным представлен Мануил Никитой Хониатом. Образ императора наделен у него множеством качеств, разнообразие и даже несовместимость которых подчас кажутся поразительными. С одной стороны, Мануил у Хониата воплощает все возможные телесные и душевные добродетели. Он прекрасен и "излучает прелесть" (χάρις) (Chon. 51.75)¹⁶, огромного роста и "героического" облика (222.60). Он беззаветно отважен и дерзок (134.73 sq.; 177.73 sq.), хотя, конечно, и не в такой степени как у Киннама. Мануил всегда готов придти на помощь своим воинам, которые всей душой преданы ему за это (197. 14 sq.; ср. 206.57 sq.). Мануил не только воинственен и отважен, но прекрасно образован, искусен в риторике и т.п. Список добродетелей Мануила, изображенных Хониатом, можно продолжать долго.

И в тоже время, как это не покажется странным, скептическая, если не сказать негативная, оценка Мануила превалирует в сочинении историка 17.

¹⁴ Ptochoprodromos (= Neograeca medii aevi, V). Cologne, 1991. IV. 545.

¹⁵ См.: Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. С.И. Лучицкая ссылается на книгу Б. Стока: Stock B. Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretations in the 11th and 12th Centuries. Princeton, 1983.

¹⁶ Никиту Хониата цитирую по: Nicetae Choniatae historia / Rec. van L.A. Dieten. B., 1975. (СFHB, vol. XI/1).

¹⁷ Cp.: Magdalino P. Aspects of Twelfth-Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. 2.

Даже выспренные описания красоты юного Мануила (Chon. 50.69 sq.) оказываются ничем иным как предисловием к рассказу о его распущенности (54.67 sq.). Хониат, не колеблясь, рассказывает даже о трусости Мануила (82.43 sq.). Ошибки и несообразности во внешней и внутренней политике Мануила подчеркиваются историком постоянно. Мануил ответственен за губительные действия Иоанна Путцийского (55.21 sq.), безобразно обращается со своими воинами (208.21 sq.), предпочитает иностранцев своим соотечественникам (204.3 sq.), и в то же время коварно обходится с крестоносцами (61.70 sq.; 66.82 sq.). Еще более коварно действует он в отношении турок (179.58 sq.), султан которых ведет себя несравненно более благородно, нежели византийский император. Мануил, по словам Хониата, обращается со своими подданными как тиран и в то же время боится своего соперника Андроника (103.13 sq.). Приверженность Мануила к астрологии шокирует окружающих (95.29) etc., etc.

Восхищение Хониата Мануилом парадоксальным образом соседствует с жесткой его критикой, и обстоятельство это не раз вызывало удивление исследователей, привыкших к однолинейности характеристик у византийских историков. Ф.И. Успенский, посвятивший Хониату специальную монографию (кстати, единственную до настоящего времени), полагает даже это признаком художественной слабости, недостатком таланта писателя¹⁸. Можно, конечно, "списать" эту особенность на счет обычной для средневековой литературы необязательности согласовывать между собой детали образа, однако явление это отмечалось, как правило, у писателей несравненно менее продвинутых, нежели Хониат.

Не пытаясь решить загадку необычной разнородности образа Мануила у Хониата, укажу на одну черту образа императора, одинаково отмечающуюся в его как положительных, так и отрицательных характеристиках и описаниях. Почти во всех случаях Мануил необыкновенно амбициозен и исполнен претензий. Он глубоко убежден в том, что лишь его личное участие может навести страх на врагов и решить исход боя (Chon. 102.83; 133.62 sq.). Мануил постоянно озабочен тем впечатлением, которое производит на окружающих, и старается поразить их своей отвагой, несметным богатством или еще чем-нибудь. Показателен в этом смысле эпизод, когда император раскладывает перед султаном дары, которые намеревается ему преподнести и наслаждается впечатлением, ими производимым (120.90 sq.). Будучи искусным ритором, Мануил любит обсуждать теологические проблемы, но было бы лучше, замечает Никита, если бы Мануил не извращал догмы и был не столь упрям в своих утверждениях (210.72). Историк прямо именует его αὐτάρεσκος (т.е. самодовольным, тщеславным) (80.12), подчеркивает его стремление к славе (κλέος) (127.70), обзывает хвастуном (μεγαλαυχῶν) (179.60) и т.д.

Хониат в своем повествовании о Мануиле приводит множество психологических деталей, которые характеризуют нрав императора много лучше прямых деклараций. Нередко и тут Хониат подчеркивает амбициозность и хвастовство Мануила. Так, потерпев поражение от турок, император отправляет гонцов в Константинополь с сообщением о произошедшем. В письме он сравнивает себя с Романом Диогеном, претерпевшим то же несчастье,

¹⁸ Успенский Ф. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

что и Роман в битве с турками при Манцикерте. Однако непосредственно после этого император "превозносит мирный договор с султаном, хвастаясь (μεγαλορρημονῶν), что заключил его "под собственным знаменем, которое развевалось на ветру перед строем врагов и наводило на них страх и ужас" (Chon. 191.26 sq.). Мануил не может удержаться от бравады, даже сообщая о собственном поражении...

Амбициозность и бравада во многих частях книг, посвященных этому императору, оказываются лейтмотивом его образа, так что Мануила у Хониата в известном смысле можно определить как тип аладзона, о функционировании которого в византийской литературе я писал в недавней своей статье. Позволю себе повторить ее исходные положения¹⁹. Впервые фигуру alazon'a, комически представленную уже в аристофановском театре, как определенный этический тип, характеризует Аристотель в "Этике Никомаху". Причем alazon, как это часто бывает у Аристотеля, определяется через противопоставление другому типу – eiron'y (от этого имени произошли ирония и все множество понятий, с нею связанных). Eiron и alazon противостоят друг другу и представляют собой две противоположные "дурные" крайности (eironeia и alazoneia), в середине между которыми расположена "положительная" истина (ἀλήθεια). Оба типа – и eiron и alazon – выдают себя не за тех, кем на самом деле являются, но если alazon претендует на обладание свойствами и качествами лучше тех, которыми владеет в реальности, то eiron представляет себя худшим, чем он есть в действительности (Eth. Nic. 1108a 20 sq.; 1127a 20). При этом, по словам Аристотеля, eiron как тип несравненно более привлекателен, нежели alazon (Eth. Nic. 1127b 14). Упомянутое выше аристотелевское противопоставление eiron - alazon, eironeia alazoneia по сути дела является универсальным, особенно в области комического, притом не только в античности. Оппозицию этих двух типов (а то и масок) можно наблюдать как в народных фарсовых представлениях, так и в "высокой" комедии разных народов и разных периодов, начиная с древней аристофановской. Alazones разного рода (например, трусы, выдающие себя за сильных храбрецов типа milites gloriosi плавтовской комедии, или ученые шарлатаны, притворяющиеся то искусными врачевателями, то астрологами) постоянно противопоставлялись и противопоставляются в комедийном жанре трезвым, "себе на уме" персонажам, скрывающим под маской наивной простоватости здравый смысл, а то и настоящую мудрость, в которых не трудно распознать продолжателей традиций античных eirones. Eiron и alazon весьма часто выступают оппонентами в комических ситуациях, причем комизм образа последнего особенно ярко проявляется при столкновении с первым или когда alazon как бы подается через восприятие eiron'a.

Последнее утверждение весьма важно и предполагает, что eiron вовсе не обязательно должен присутствовать в произведении в качестве отдельного персонажа: его функции с успехом может выполнить сам автор. В этом случае автор, исполняющий роль "потенциального" eiron' a, со всей видимой серьезностью относится к своему герою — alazon' y, но на самом деле смеется и потешается над ним. Конечно, схема эта представлена в самом общем виде и на практике реализуется весьма разнообразно.

¹⁹ Ljubarskij Ja.N. The Byzantine Irony: The Case of Michael Psellos // Byzantium. State and Society. In Memory of N. Oikonomides. Athens, 2003.

Иными словами, отношения автора и героя могут быть сродни отношениям alazon'a и eiron'a и имеют в таком случае иронический характер. Типом alazon'a был в "Хронографии" Михаила Пселла уже упомянутый здесь император Роман Диоген. Именно с ним мы и встречаемся, как кажется, в "Истории" Никиты Хониата. Иронический эффект достигается Никитой Хониатом рядом художественных приемов. Обратим внимание на некоторые из них.

Никита очень любит описывать триумфы, которые Мануил устраивал после своих действительных или мнимых побед. Эти описания весьма знаменательны.

Обращает на себя внимание прежде всего чрезвычайно выспренний характер описаний торжественных процессий, устраиваемых Мануилом при въезде в Константинополь после очередных побед (см., например, описание триумфа 1167 г. — Chon. 157.53—158.81). Эта выспренность особенно явно проступает при сравнении с весьма скромным изображением триумфа Иоанна II Комнина — идеального императора хониатовского сочинения (46.46).

В иных случаях рассказы о триумфах императора имеют откровенно иронический характер. Так Хониат описывает действия Мануила после победоносной войны с сербами в 1150 г. следующим образом: "Он тотчас написал письмо с доброй вестью (γράμμα εὐάγγελον) жителям города, сообщая им о недавних своих подвигах (κατορθώματα). Вестником же был великий доместик. Вскоре появился и сам родитель сих доблестных деяний (ὁ τῶν ἀνδραγαθημάτων πατήρ); он справил триумф в честь своих свершений, был восславлен народом и всем сенатом и, разомлев от витийства восхвалений (τῶν κρότων ὑψηγορί α διαχυθεί α), обратился к конным ристаниям и зрелищам" (Chon. 90.2–91.8).

Обилие в коротком пассаже "высоких" слов в сочетании с явной насмешкой в последнем периоде выдает его иронический оттенок. Еще явственнее это проявляется в рассказе о другом триумфе (после победы над сербами и венграми в 1152 г.). Здесь Никита подчеркивает прежде всего стремление Мануила произвести впечатление на многочисленных зрителей. Мануил обрядил пленников в одежды, много роскошнее тех, что полагались им по чину, дабы зрители решили, что добычей императора стали люди знатные, он "превратил это триумфальное празднество в чудо и вел их не скопом, а разделив на группы, на определенном расстоянии одна от другой, чтобы обмануть зрителей и заставить их поверить, что пленников много больше, чем их было на самом деле" (Chon. 93.63–71).

Торжественная процессия с Килич-Арсланом, которую готовил и хотел с большой помпой устроить Мануил в Константинополе в 1162 г., была, по словам Никиты, сорвана Богом, пославшим в этот день бурю (Chon. 118.38–119.54). Событие это, видимо, воспринималось Мануилом трагически, но должно было казаться забавным читателям Хониата.

Очевидный комический эффект приведенных пассажей создается прежде всего контрастом "возвышенного" тона и лексики и "прозаизмом" содержания (тщеславие Мануила, неудача из-за плохой погоды и т.п.). Этот комический эффект многократно усиливается с помощью обильных цитат из Библии и классических авторов, главным образом Гомера. Утверждение это нетрудно иллюстрировать другими примерами. Хониат начинает описание

похода Мануила на Египет в 1169 г. следующим образом: "Он любил походы в дальние страны; он слышал о плодоносном Египте, как приносит урожаи податель плодов и хлебов Нил, отмеряющий локтями богатство. И положил на море руку свою, а на реки – десницу, дабы острым взором узреть блага, о которых слышал ушами и взять их в руки свои. А внушили ему эти планы и заставили перемахнуть через земли... неуместное тщеславие и стремление соревноваться с царями, чья слава и владения протянулись не от моря до моря, а от восточных пределов до западных столпов..." (Chon. 159.18-160.20). Скептическое отношение Хониата к Мануилу здесь очевидно. Expressis verbis историк говорит о неуместном тщеславии (φιλοδοξία τις άκαιρος), о его стремлении соревноваться (άνθαμιλλᾶσθαι) с прославленными завоевателями древности, о "фантастических планах" (φαντάξεσθαι), внушенных ему этими мыслями. Однако о скепсисе Хониата говорит не только его прямое заявление, но и необычайно "возвышенный" и выспренний, даже по византийским меркам, тон всего этого пассажа, находящийся в прямой оппозиции к примитивности побудительных мотивов действий императора (элементарное тщеславие). Выспренний тон рассказа создают прежде всего использование образованных по "гомеровскому" типу composita (Нил характеризуется как καρποδότης καὶ εὔσταχυς), сравнение с мифологической Гидрой, две цитаты из Псалмов и одна из Григория Назианзина (и все это на протяжении только двенадцати строк нового издания!)20.

Другой пример касается завоевания Коринфа Рожером Сицилийским. "Случившееся (т.е. захват Коринфа Рожером) дошло до ушей самодержца Мануила и огорчило его, и он, подобно гомеровскому Зевсу, раздумывал, что предпринять, или как Фемистокл, сын Неокла, все время находился в раздумьях и проводил бессонные ночи, а когда его спрашивали, отвечал, что не сон принес трофей Мильтиаду" (Chon. 76.1–5). Здесь нет прямой насмешки над Мануилом, но две ссылки на Гомера и одна на Плутарха на протяжении всего пяти строк нового издания никак не могут быть предназначены для прославления только что потерпевшего поражение императора.

Указанный прием используется Хониатом достаточно часто при изображении Мануила. Юный император, например, хочет покорить Кефалинию, жители которой отнюдь не торопятся сдаваться. И вот Мануил, "не желая понапрасну без всякой пользы губить дни, как в свое время сделал с быками Гелиоса царь Кефалинии Одиссей, сел на военный корабль и стал осматривать по всей окружности остров керкирцев, чтоб решить, где нанести удар, ведь не было у него Оссы, дабы взгромоздить ее, или Афона, чтобы навалить и поставить горы одна на другую и таким образом захватить крепость. Ведь все это истории мифические и неправда" (Chon. 82.60–65). В последнем случае не совсем ясно, имеем мы дело с затаенной иронией или привычным для византийцев выспренним многословием. Первое, конечно, вероятней. Более того, сама эта неясность знаменательна: Хониат не откровенно потешается над Мануилом, а рисует его образ "с ироническим оттенком", характерным для почерка интеллектуального писателя.

²⁰ Цитаты из Псалмов выделены в издании ван Дитена. Эпитеты Нила, как и почти вся фраза, их содержащая, взяты из речи Григория Назианзина (РG. 36. Р. 340.30), где они имеют "отрицательную коннотацию".

Почти не вызывает сомнений: мы имеем дело в данном случае не с классическим способом использования цитат, свойственным византийской словесности, а, говоря словами М. Алексиу, их "пародийным перекодированием" или в других выражениях явлением, которое Р. Маизано, уже в применении к Хониату, назвал "полной деконтекстуализацией" (totale decontestualizzazione) гомеровских цитат²¹.

Помимо лексических Хониат пользуется также синтаксическими средствами для придания образу Мануила иронического оттенка. Так, например, Никита описывает военную экспедицию Мануила против Икония в 1176 г. следующим образом: император отправился в поход, дабы уничтожить персидское племя, захватить Иконий, взять в плен султана и, распластав на земле, топтать ногами его шею... (Chon. 178.8–12). Гротескно громоздя одно на другое четыре participia futuri (ἀφανίσων... ἀναρπάσων... ληψόμενος... πατήσων), историк подчеркивает неумеренные претензии честолюбивого императора.

И еще один способ иронического изображения Мануила заслуживает быть отмеченным. Историк вкладывает в уста некоего персонажа хулу на императора, подробно излагает обвинения, которые по видимости отвергает. Прием этот внешне напоминает современную журналистскую практику, когда на первой странице периодического издания крупным шрифтом печатается какой-то скандальный материал, который затем петитом опровергается на последней странице.

В повествование о кампании против турок 1176 г., закончившейся поражением при Мириокефале, Хониат вставляет небольшой эпизод, центральную роль в котором играет Мануил. После битвы испытывающий жажду император просит принести ему воды из реки. Пить однако он отказался, поскольку вода оказалась, по его словам, смешанной с кровью павших христиан. Какой-то не названный по имени оказавшийся рядом воин, охарактеризованный как "муж наглый и дерзкий" (ἀνὴρ ἰταμὸς καὶ θρασύς), без краски стыда заявил (ἀνερυθριάστως ἔφησεν): "Не раз и уже давно напивался ты допьяна кровью подданных, которых мучил и топтал" (Chon. 186.60-63). Эпизод имеет продолжение. Когда турки захватили деньги, которые византийцы везли с собой, и монеты рассыпались по земле, Мануил велел воинам собрать их. В этот момент тот же самый "наглый и дерзкий воин" обрушился с бесстыдной бранью (διελοιδορεῖτο ἀναιδῶς) на самодержца: "Ты бы раньше отдал по собственной воле эти деньги ромеям, а не теперь, когда взять их трудно и едва ли возможно без крови. Если ты на самом деле силен как хвастаешься, сразись с турками – похитителями злата и в храбром бою верни захваченное" (Chon. 186.71-75).

Почти не вызывает сомнения: эпизод "выдуман" Хониатом и несет художественные функции. За "наглыми" высказываниями безымянного воина прячется сам автор, не решающийся на прямое обличение и скрывающийся за иронической маской ("ирония – тонкая насмешка, прикрытая внешней учтивостью")²².

²¹ Maisano R. I poemi omerici nell'opera storica di Niceta Coniata // Posthomerica II. Tradizioni omeriche dall'Antichita al Rinascimento / A cura di F. Montanari, S. Pittaluga. Genova, 2000). Рискованную "игру" с библейскими цитатами у Хониата отмечал А.П. Каждан в оставшейся неизданной рукописи "Никита Хониат и его время".

²² Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 125.

Почти точно такой же прием используется Хониатом и в другом случае. "Византийцы, – пишет историк, – смеялись над Мануилом, потому что он из тщеславия горел желанием захвата чужих земель и бросал взгляды на края земли, делал это с горячностью и дерзостью и стремился далеко за пределы того, чем ограничивались прежние императоры, и не жалел на это никаких денег" (Chon. 203.62). Дальше Хониат пытается как-то (весьма маловыразительно!) оправдать императора, но слова осуждения, вернее насмешки (χλευασμοί) уже произнесены. Знаменательно при этом, что некие анонимные византийцы смеются как раз над тем, что и составляет почти всегда предмет иронии самого Никиты: тщеславие (τὸ φίλαυτον).

Возможность воссоздать образ исторического персонажа не по одному источнику — всегда удача историка-византиниста, тем более, если речь идет о писателях такого масштаба, как Хониат и Киннам. Фигура исторического героя, изображенная с разных позиций и различными наблюдателями в этом случае приобретает глубину и объемность.

Анализ образов одного и того же персонажа в двух изображениях важен, однако, и для историка литературы. Хониат и Киннам – почти современники. Однако литературные приемы, ими используемые, весьма различны. Писатель "продвинутого" XII в. Киннам, хотя и не рисует, подобно многим средневековым своим предшественникам, условный, пунктирный образ героя, тем не менее создает своего главного персонажа по определенной модели, в роли которой выступает Дигенис Акрит.

У Хониата уже нет никаких моделей. Подобно Пселлу, хотя и значительно менее удачно, он создает не монолитного, а противоречивого неоднозначного героя и, что самое важное, широко пользуется иронией, приемом "многомерным" по самой своей природе.